

ВСЕГДА С ПАРТИЕЙ, ВСЕГДА С НАРОДОМ

ШЕСТЬДЕСЯТ с лишним лет назад, в далекие, тяжкие для России времена, когда все обостренное становилось необходимостью покончить с царизмом и взять власть в руки народа, в руки рабочих и крестьян, создатель нашей партии Владимир Ильич Ленин выдвинул решительное требование к литературе. Она, по ленинской мысли, должна была стать частью общепролетарского дела и устремленно, как полноправный род боевых революционных войск, работать на революцию, на те преобразования в обществе, которые последуют за свержением старого государственного и общественного строя.

Литература должна быть партийной, требовал великий стратег революции. Она должна быть такой, не взирая ни на что, ни на какие визги и вопли тех, кто усмотрит в этом некое ущемление так называемой «свободы творчества».

И литература наша стала партийной. Партия из года в год, из десятилетия в десятилетие, не жалея ни сил, ни времени, ни души и сердца, растила, воспитывала, закинула идеей коммунистического строительства литераторов, мастеров слова, и литераторы, близкие к партии, составили прославленный авангард литературного движения в Стране Советов.

Горький и Маяковский, Серафимович и Фурманов, Гладков и Фадеев, Шолохов и Федин... Без их книг трудно представить себе и революцию, и годы восстановления разрушенного хозяйства, и победы индустриализации, и перестройку всей жизни старой деревни на новых, коллективных началах, и, наконец, битвы Великой Отечественной войны, в которых победила не только социалистическая система хозяйствования, не только наш общественный строй, но и наша идеология, а следовательно, как составная ее часть, и наша литература — литература социалистического реализма.

С открытым, честным лицом, не кривя душой и не ища, где бы поспокойнее, советская литература шла в атаку на полях сражений рядом с танками, в боевых порядках пехоты, на огневых позициях артиллерийских батарей. Ее, сражающуюся, ее, прокладывающую путь всем трудовым людям в будущее, полюбили, оценили, взяли на вооружение рабочие и крестьяне, честные люди интеллигентного труда всех стран нашей планеты. Она миллионными тиражами разошлась по свету почти на всех известных людям языках.

«Мать», «Чапаев», «Железный поток», «Разгром», «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия», «Тихий Дон», «Поднятая целина»... Много ли в современном нам зарубежном, капиталистическом мире произведений, равных этим книгам по художественному мастерству и идейности, страстности и человечности? Нет, тот мир, оглушающе кричащий о свободе творчества, до таких высот художественности и идейности по-

Выступление писателя В. А. КОЧЕТОВА на пленуме Московского комитета КПСС

ка еще не поднимался. Да он и не может до них подняться.

Любые критики должны посчитаться с тем, что успехи советской литературы определялись и определяются неутомимой работой Коммунистической партии, которая ни на час не забывала об основном, главном ленинском требовании к литературе, о том, что литература должна быть частью общепролетарского дела, частью того дела, которое творят наши рабочие, наши крестьяне.

Чем ближе художник слова стоит к народу, чем глубже проникает он в смысл всего происходящего в стране и в мире, чем шире его горизонт и чем точнее выбрана точка обзора событий, тем значительнее, правдивее, ярче его произведение. А приблизиться к народу, не отрываться от него, расширять свой горизонт, занимать наиболее верную позицию ему неизменно помогала и помогает партия великого Ленина.

В тот нервный, суетливый период волюнтаризма, который начал было укореняться в наших центральных газетах и журналах под широкоречательным наименованием «великого десятилетия», когда в спешке, с водой, в которой отмывались действительные наши недостатки, чуть было не выплеснули и самого ребенка, в тот период ничто формально не отменял основополагающих документов партии по вопросам литературы и искусства. Никто не заявлял о том, что ленинские требования к литературе устарели,

утратили свое значение, сданы в архив. Нет. Но вместе с тем все чаще стали слышны голоса, вещавшие о том, что художественное творчество — это такая область человеческой жизни, куда не имеет права сунуть свой нос циник и ничто. Оно-де не поддается руководству, оно — вне влияния, оно — от господа бога, и только бог — судья творцам прекрасного.

Это было, товарищи, отступление. Его надо называть своим именем. Не по всему, конечно, фронту, далеко не по всему отступали и не все отступали. Происходило это на тех участках, где идейный противник оказался понахальнее и пошел, как говорили во время Отечественной войны, в «психическую атаку». Тут кое-кто из литераторов и кое-кто из идеологов, скажем прямо, дрогнул. Одни впали в панику, другие попрыгали, приуменьшили. И вот посыпались тогда на головы читателей всяческие Иваны Денисовичи и Матрены с их дворами, и шумные спекулянтские стишки. Хлынули на подмостки театров и на экраны кинематографов серые, убогие пьески и кинофильмки и те книги, о которых сегодня не сколько раз говорили так взволнованно с этой трибуны. И очень жаль, что не все призванные осуществлять руководство литературой и искусством выступили перед «психическим натиском».

Фокус психических атак на

фронте литературы и искусства заключался в том, что тут жонглировали понятиями «свободы творчества» и невозможностью творить «по указке», «по заказу». При этом «указкой» называлось осуществление руководящей роли партии, а «заказом» — требования партийности в художественном творчестве.

Разве можно, мол, под каним-то руководством создавать истинно прекрасное? — слышались такие пугающие обороты... Поразительно, что говорили и говорят это зачастую те же самые люди, которые восхищаются, скажем, «Сикстинской мадонной», восторгаются «Джиокондой», задирают шапки, бывая туристами в Италии, перед стенами римского Колизея или египетскими пирамидами. Но «Сикстинская-то мадонна» была написана Рафаэлем не для собственного созерцания в свободные минуты, а по заказу. И по заказу кого? Ватикана. И Колизей строили по императорскому заказу к какому-то грандиозным праздникам, а пирамиды имели и вовсе самую что ни есть утилитарную цель — покрепче спрятать тела фараонов и те сокровища, которые с ними вместе туда погребались. А «Джиоконда»-то, портрет Монны Лизы, великому Леонардо да Винчи заказал законный супруг этой итальянской дамы... Что, эти творения мирового искусства, его уникальнейшие сокровища, стали от того хуже, что сделаны были по заказу? А если заказ худож-

нику, социальный заказ, дают народ, революция, идея построения небывалого общества — коммунистического? Это разве зазорно? Это скрывает, ограничивает? А не напротив ли? Все лучшее, что создано советской литературой за великое — не десятилетие, а пятидесятилетие — создано именно по такому заказу: в атмосфере добровольного, сознательного, радостного служения художника своему народу. А все бездарное, злопахотельское, никчемное — при отречении от своего гражданского долга, в пресловутом «состоянии свободы». Свободы от чего, спрашивается? И свобода ли это?

Разве желание потрафить буржуазному Западу, заслужить лицемерную похвалу в парижских «Фигаро» и «Матен», в нью-йоркских журналах и журнальчиках можно назвать свободным желанием? Разве, когда созданное тобой какие-то ловкие зарубежные руки направляют против твоего народа, ты при этом свободен? А не находишься ли ты вольно или невольно на службе у чужаков?

А свободно ли кое-кто подписывал и подписывает всяческие клеветнические письма, потом передаваемые по чужому радио и публикуемые в чужих газетах и журналах?

Больше партийного внимания литературе! Больше партийного влияния на литературную среду! Позовите вы, люди такой громадной, значительной области в нашей стране, позовите к себе писателей. В ваши чудесные индустриальные подмосковные города, в ваши села. Поактивнее это делайте. Чтобы пришли литерато-

ры к рабочим, к колхозникам, туда, где создают, строят, мечтают. Сколько судеб. Сколько жизней человеческих... Сколько того, что мы называем жизненным материалом. Это же — основа романов, основа кинофильмов, пьес, рассказов, поэм.

О литературе надо печься ленински, она — грозное, массовое оружие. Играть с этим оружием никак нельзя. Оно подготавливает революцию, но оно и подготавливает, как мы знаем, контрреволюции.

Иные прекраснейшие постановления не смогут сделать того, что может сделать в области идеологии одна книга, один кинофильм. А если их десятки? Если их сотни?

Вспомним, что одна литература, наша, советская, социалистическая, воспитывала Чукалова, Матросова, Гастелло, Зою, молодого гвардейцев, а другая — мы знаем и видим сегодня — воспитала тех мясников, которые жгут напалмом деревни Вьетнама, истязают, мучают женщин и детей. Одна литература стремится сделать человека лучше, чище, красивее, другая пробуждает в нем все первобытное, звериное. Мы отвергаем эту, вторую, вместе с тем миром, который ее породил.

Наша дорога — дорога советских литераторов, до конца принявших ленинское требование о партийности литературы, при всех сложностях этой дороги, при всех ее трудностях остается по-прежнему прямой и ясной: быть с партией, быть с народом, жить и работать для народа.